

И.В. ПОБЕРЕЖНИКОВ

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

**РОССИЙСКИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ
В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ:
ТЕМПОРАЛЬНАЯ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ
ВАРИАТИВНОСТЬ***

Статья посвящена теоретическому анализу российских модернизаций. Выявлены особенности воздействия темпоральных и пространственных измерений на ход, динамику, механизмы, характер модернизационных процессов. Сопоставляются модернизационные процессы разной скорости и направленности: «медленные», «векторные», «циклические». Выявлены временные особенности модернизационных процессов и механизмов, характерных для разных эпох. Показана вариативность пространственных проявлений модернизации на материале восточных территорий.

Ключевые слова: Россия, модернизация, темпоральное измерение, пространственная вариативность, фронтир, регион.

Социальные системы не возникают в готовом виде. Формируясь постепенно, они изменяются с течением времени, то медленно, то быстро, то эволюционно, то взрывообразно. Это же можно отнести и к их развитию в пространстве: зарождаясь в определенном месте, социальные системы, разрастаясь или сжимаясь, взаимодействуют с другими объектами (системами) в историческом пространстве, видоизменяясь при этом. Время и пространство, таким образом, выступают в качестве взаимосвязанных измерений развития. Показатель время позволяет фиксировать социальные сдвиги и темпоральную вариативность. Параметр пространство выступает в качестве мерила территориальной вариации социального развития.

Дифференцированное отношение ко времени представляется весьма продуктивным при анализе российских модернизаций. В частности, можно выделить «медленное» время, время «векторное» и время циклических изменений. «Медленное» время позволяет фиксировать цивилизационный подход. Собственно, «медленное время» можно трактовать как время цивилизационного контекста модернизационных преобразований. Модернизационные процессы приобретали различные конфигурации в разных цивилизационно-куль-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Фронтальная модернизация в России имперского периода: Модели развития и закономерности трансформации» № 18-09-00427А.

турных контекстах. Цивилизационный подход фокусирует внимание исследователя на комплексе достаточно медленно меняющихся параметров, характеризующих социокультурное и цивилизационное ядро общественной системы. В рамках данного подхода исследователь делает акцент на инерции истории, на континуитете исторического прошлого и настоящего, на выделении некоего ядра, неизменяемого во времени или в очень слабой степени подверженного изменениям, которое и характеризует культурную и даже цивилизационную специфику России [Цивилизационное своеобразие, 2011].

Векторное время — собственно время модернизационных сдвигов, наблюдаемых в длительном временном интервале. В данном ракурсе исследование направлено на выявление процессов накопления нового качества, сдвигов в экономической, социокультурной, институционально-политической сферах жизни, определенных этапов, которые проходит общество в своем развитии, двигаясь вдоль гипотетической линии от состояния недостаточной развитости, сложности, дифференцированности к точке большей продвинутости.

При этом для разных исторических эпох была характерна вариативность природы, динамики, масштаба модернизационных сдвигов. «Ранняя» модернизация XVII или даже XVI в. [Modernizing Muscovy, 2004; Нефедов, 2004] характеризовалась крайней фрагментарностью и нелинейностью: к ее проявлениям обычно относят зарождение ряда явлений и тенденций, таких, например, как полки иноземного строя, развитие образования и культуры, появление мануфактур-«заводов» (т.е., по сути, начало протоиндустриализации, пусть анклавное) еще в допетровский период.

В петровский период и позже в XVIII в. [Модернизация, 1994; Каменский, 1999] уже предпринимаются целенаправленные попытки догнать (скопировать образцы) страны Западной Европы, ушедшие вперед, сразу в нескольких областях: военной, организационно-управленческой, экономической, культурно-образовательной; при этом преобразования даже приобретают относительно планомерный характер, хотя скорее в их поздней части. Далее преобразования явно сопровождалась вестернизацией: копированием именно западноевропейских образцов — т.е. протекали в типичном для стран догоняющей модернизации варианте.

В XIX в. модернизация становится все более насыщенной, проявляясь в таких модернизационных субпроцессах, как индустриализация (некоторые исследователи относят ее начало к эпохе промышленного переворота, старт которого традиционно датируют 1830-ми гг.; другие связывают с утверждением в экономике России модели современного экономического роста примерно с середины

1880-х гг.); переход от широкого использования принудительного труда и сохранения института крепостного права к рыночной экономике и применению вольно-наемного труда после «великих реформ»; трансформация традиционного династического государства в национальное государство (что связывается с утверждением теории официальной народности, отменой крепостного права, переходом к унификационной имперской политике во второй половине XIX в. и осуществлением ряда мер по ассимиляции нерусских народностей); интенсификация процессов формирования гражданского общества в пореформенный период и особенно в начале XX в.; нарастание черт взаимозависимости и интеграции в области культурных и прочих взаимодействий с Западной Европой с начала XIX в. [Мионов, 2018, с. 55–56; Побережников, 2020]. Подобное разнообразие мнений отражает, вероятно, разновременность усложнения и интенсификации реальных модернизационных процессов.

Существенным своеобразием отличался советский модернизационный опыт. С одной стороны, очевидно принципиальное своеобразие социалистического развития, его серьезное отличие от западных моделей: авторитарное государство (некоторые исследователи по-прежнему применяют для его характеристики тоталитарную модель); нерыночная плановая экономика; широкое использование мобилизационных методов; отсутствие демократии западного типа. С другой же стороны, принимая во внимание концепцию множественности модернов, а также признавая отсутствие жесткой связи между индустриализацией и демократизацией, можно рассматривать советский вариант развития как один из путей включения в модерн. Так, сопоставление капиталистического и социалистического (индустриальный социализм) вариантов модернизации осуществляется П. Бергером [Бергер, 1994]. Автор убежден, что, несмотря на использование зачастую несовпадающих механизмов развития, капиталистические и социалистические страны можно рассматривать в контексте процесса модернизации, общего для тех и других. Социолог и историк Й. Арнасон считает невозможным игнорировать модернизационную динамику коммунистической системы, продолжавшей или начинавшей модернизационные процессы, в том числе ускоренной индустриализации. Он доказывает, что механизм структурно-функциональной дифференциации, хотя и в очень преобразованном виде, действовал и в СССР: при этом механизмы социальной интеграции явно преобладали над механизмами дифференциации; экономическая, политическая и идеологическая власти концентрировались в руках аппарата управления, стремившегося контролировать все проявления общественной жизни; однако существовали и определенные

формы социальной дифференциации, поскольку в советской системе в каждой из основных социальных сфер действовала особая логика [Арнасон, 2011, с. 21–24].

Циклические динамики также могут встраиваться в историю российских модернизаций. Для некоторых исследователей историческая динамика России сводится именно к перманентным циклическим колебаниям, лишенным векторности. Нам, однако, представляется, что сводить все только к циклическим колебаниям неправомерно. В российской истории очевидно прослеживаются векторные процессы, которые обычно трактуются как модернизационные: индустриализации, урбанизации, демографической революции, профессионализации и т.д. Концепция петербургского экономиста и историка В.Т. Рязанова, согласно которой волны (циклы) российских модернизаций с начала XIX в. задаются попытками проведения реформ и осуществлением реформационных проектов [Рязанов, 1998, с. 26–45], дает вероятный ключ для интерпретации непротиворечивого соединения векторной и циклической динамики.

Применительно к российской истории пространственная вариативность также требует самого пристального внимания. Колоссальное пространство России, разнообразие ее природно-климатических условий, богатство полезными ископаемыми имели неоднозначные последствия для исторической динамики страны в целом и отдельных ее сфер. Пространственный фактор не только оказывал существенное воздействие на внутренний строй страны, ее территориальную морфологию, скорость исторических процессов, но и непосредственно влиял на способы решения объективно назревших модернизационных задач. Исторически российская модернизация осуществлялась в условиях продолжавшегося расширения территории страны, присоединения новых земель и их освоения, что в итоге вело к формированию за пределами первичного русского-православного «ядра» Российского государства большого разнообразия регионов, отличавшихся своими административно-управленческими, хозяйственными, социально-сословными, этнокультурными ландшафтами. Это объективно обуславливало и значительные региональные вариации в степени проницаемости территории страны для импульсов модернизации. В аналитическом плане данное обстоятельство оправдывает применение регион-ориентированного подхода к изучению российских модернизаций. По этому основанию российскую модернизацию, протекавшую в условиях незавершенного освоения национальной территории, можно трактовать как фронтирную [Побережников, 2018a].

При этом понятие «фронтирная модернизация» может служить характеристикой не только особенностей развития отдельных (преимущественно периферийных) регионов, но и цивилизационно-страновой специфики в целом (например, с точки зрения влияния условий присоединения и освоения новых территорий на ход модернизации России). Для России как страны фронтирной модернизации был характерен освоенческий синдром, что выразилось в повышенной подвижности населения (требовавшей в ряде случаев мер по ее принудительному ограничению) и временной растянутости колонизационных процессов (заселение, аграрное и промышленное освоение); в дифференциации пространства страны на центр (ядро) и периферию, различавшиеся по демографическим, социально-экономическим, административным, культурным признакам; в наличии богатых ресурсами окраинных областей, где их разработка отличалась высокой естественной продуктивностью (Урал, Сибирь).

Региональные и субрегиональные общности вели себя по-разному в общестрановом модернизационном контексте — выступали региональными факторами модернизации или, напротив, тормозом, «якорем» отсталости, амортизирующим модернизационные импульсы, исходившие из центра или более продвинутых регионов. Естественно, складывавшиеся в ходе модернизации пространственные конфигурации не оставались неизменными. Тот же Урал, бывший территориальным фактором ранней протоиндустриальной модернизации, в значительной степени растерял ко второй половине XIX в. свой трансформационный потенциал, уступив лидерство в сфере металлургического производства более динамично развивавшемуся Югу (что не отрицает возможности начала в первых десятилетиях XX в. новой масштабной модернизации уральской металлургической промышленности [Алексеев, Гаврилов, 2008, с. 447–552]).

Мы уже сопоставляли региональные варианты развития на востоке страны (Поволжье, Урал, Западная Сибирь, Дальний Восток). Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что характер и динамика модернизации существенно различались во фронтирных сообществах [Побережников, 2018б; Побережников, 2018в]. Вариативность была обусловлена: природно-климатическими условиями территорий, размерами регионов, разницей во времени их присоединения, составом населения, геополитическим положением и уровнем безопасности, ресурсным обеспечением, временем начала модернизации, ролью государства и рынка как механизмов развития. В формировании политико-культурной «палитры» страны вносили свой вклад различные региональные этноконфессиональные, социокультурные группы, каждая из которых обладала своим своеобразным,

порой уникальным, историческим опытом, своими приверженностями и предрассудками.

По сути все рассмотренные регионы присоединялись на протяжении XVI–XVII вв. (за исключением Дальнего Востока), испытывали внешнюю угрозу со стороны кочевых народов и к середине XVIII в. были защищены оборонительными линиями. Военный элемент (особые формы управления; казачество) сохранял свое значение в жизни указанных регионов в разной степени (порой уже очень фрагментарно, применительно к границам) до конца XIX — начала XX в. Из рассмотренных регионов более благоприятные для модернизации условия имелись на Урале. В результате именно Урал в XVIII в. стал одним из страновых лидеров протоиндустриальной модернизации, несмотря на то, что процессы освоения еще были далеки до завершения даже на рубеже XVIII–XIX вв. В Поволжье длительное время преобладала аграрная специализация в экономическом развитии, причем аграрный сектор медленно включался в модернизационный процесс. Менее благоприятные природно-климатические условия Западной Сибири (по сравнению с Уралом), территориальная удаленность от рынков Европы, Азии и Европейской России, меньшая заселенность тормозили освоение региона. Модернизация здесь носила более неравномерный характер, отраслевая структура характеризовалась архаизмом, сохранялась сырьевая специализация и обширные территории, население которых в основной своей массе все еще находилось во власти традиции. Что касается Дальнего Востока, то позднее присоединение не дало возможности для развертывания интенсивных модернизационных процессов в изучаемый период. Тем не менее, во второй половине XIX — начале XX в. и здесь стали заметными модернизационные явления и процессы.

Завершая, необходимо признать глубокое и многостороннее воздействие временного и пространственного факторов на ход, темпы, характер модернизационных процессов. При этом данное воздействие включало опосредованное временем влияние предшествующих структур и действий на будущие структуры и действия, трансформацию со временем самих механизмов модернизации, формирование пространственной вариативности модернизационных проявлений просто в силу неоднородности территориальных признаков и характеристик. Наличие территориальных вариантов модернизации подтверждает недостаточность ее изучения в общестрановом контексте, поскольку регионы могут рассматриваться и как территориальные акторы модернизации, оказывавшие влияние на ее динамику и природу.

Список литературы

- Алексеев В.В., Гаврилов Д.В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. 884 с.
- Арнасон Й.* Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35.
- Бергер П.* Капиталистическая революция: 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. М., 1994. 320 с.
- Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999. 575 с.
- Мионов Б.Н.* Модернизация имперская и советская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 54–82.
- Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994. 114 с.
- Нефедов С.А.* Первые шаги на пути модернизации России: Реформы середины XVII века // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 33–52.
- Побережников И.В.* Периферийная модернизация в Российской империи: Региональные варианты // Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе. М., 2018а. С. 283–298.
- Побережников И.В.* Проблемы российских модернизаций имперского периода в новейшей историографии // Уральский исторический вестник. 2020. № 1 (66). С. 140–148.
- Побережников И.В.* Региональные варианты фронтирной модернизации в Российской империи в сравнительном изучении (Урал, Западная Сибирь) // Региональные модели российской модернизации в XIX–XX веках: Урал, Сибирь, Казахстан. Оренбург, 2018б. С. 173–178.
- Побережников И.В.* Фронтирная модернизация на востоке Российской империи: Региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018в. № 4 (61). С. 72–80.
- Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998. 796 с.
- Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: Пространственно-временной аспект. Екатеринбург, 2011. 384 с.
- Fornäs J.* Cultural Theory and Late Modernity. London, 1995. 312 p.
- Modernizing Muscovy: Reform and social change in seventeenth-century Russia. London, 2004. 489 p.